

- *Блеск и нищета глобализации*
- *Традиционализм как версия социального утопизма*
- *Город как цивилизационный феномен: философско-исторический анализ*

УДК 008+304

Блеск и нищета глобализации

А. И. Зеленков, доктор философских наук, профессор*

Статья подготовлена по материалам выступления автора на XXIII Всемирном философском конгрессе в Афинах по теме «Феномен глобализации: проблемы и возможности системной интерпретации». В ней раскрывается имманентно-противоречивая природа глобализации, показывается ограниченность многочисленных эмпирико-феноменологических и публицистических ее описаний, а также обосновывается предпочтительность системного понимания данного феномена, позволяющего обозначить реальные перспективы его философско-концептуальной интерпретации.

Ключевые слова: всемирный философский конгресс, противоречивость глобализации, системное понимание.

The Splendors and Miseries of Globalization

A. I. Zelenkov, PhD in Philosophy, Professor

This article is prepared on the base of materials of the author's presentation at the XXIII World Congress of Philosophy in Athens. The topic of presentation was «Phenomenon of Globalization: Problems and Opportunities of Systemic Interpretation». Immanently contradictory essence of globalization is discovered in the article as well as the limitation of numerous empirico-phenomenological and journalistic descriptions of it are grounded. Preference of systemic understanding of globalization, allowing to outline the real prospects of its philosopho-conceptual interpretation is proved.

Keywords: world congress of philosophy, contradictory essence of globalization, systemic understanding.

Одной из отличительных особенностей современного мира является глобализация как конститутивный фактор социодинамики постиндустриальных обществ. Для того чтобы продолжить разговор о данном феномене в традиции философско-концептуального его рассмотрения, необходимо эксплицировать само понятие «глобализация». Однако задача эта оказывается чрезвычайно сложной. Существует практически необозримое количество интерпретаций данного понятия, которое стало одним из самых популярных терминов не только в науке, но и в различных сферах культуры последних десятилетий. Отмечая это обстоятельство, известный польский экономист и общественный деятель Гжегож В. Колодко писал: «Редко какое понятие сделало такую карьеру, как „глобализация“. За время нашей жизни это, бесспорно, самый популярный термин, описывающий в самом широком — во всемирном измерении быстро меняющуюся действительность» [1, с. 126].

Сегодня достаточно кликнуть в поисковике www.google.com слово «globalization», как мгновенно перед нами появляется 28 700 000 ссылок. На польском языке таких ссылок обнаружится 767 000 [Там же, с. 127]. Большинство авторов трактуют понятие глобализации в значении, скоррелированном с его этимологическим контекстом, предполагающим нечто всеобщее, всемирное, общезначимое. В такой интерпретации, казалось бы, ничего кардинально нового и специфического для современной эпохи в данном понятии не фиксируется, поскольку еще Сен-Симон писал о неизбежном сближении европейских народов, просвещенных гуманистической философией, и создании ими универсального государства. Кстати, свои идеи он популяризировал в периодическом издании «The Globe».

Тем не менее, сохраняя этот семантический инвариант понятия «глобализация», практически каждый автор предлагает свою оригинальную дефиницию. Так, например, А. И. Уткин считает, что глобализация — это слияние национальных экономик в единую, общемировую систему, основанную на быстром перемещении капитала, новой информационной открытости мира, технологиче-

* Зав. кафедрой философии и методологии науки ФФСН БГУ.

ской революции, коммуникационном сближении. Важно, что она определяется рыночными, а не государственными силами [2, с. 28].

По мнению М. Г. Делягина, глобализация — это процесс стремительного формирования единого общемирового финансово-информационного пространства на базе новых, преимущественно компьютерных технологий. Именно поэтому она стимулировала масштабное преобразование человеческого сознания, а не мертвых вещей, как это было на предшествующих стадиях социокультурных трансформаций [3, с. 277].

Для У. Бека глобализация — это многомерная совокупность сложных процессов в экономике, политике, культуре, экологии и других сферах социальной жизни, которые, по его мнению, обладают собственной внутренней логикой и не редуцируемы друг к другу. В этих процессах «национальные государства и их суверенитет вплетаются в паутину транснациональных акторов и подчиняются их властным возможностям, их ориентации и идентичности» [4, с. 15].

Зигмунд Бауман трактует глобализацию как новое, вызывающее беспокойство состояние мира, новый способ его восприятия. Данное понятие вытеснило еще совсем недавно популярный термин «универсализация». В отличие от последнего глобализация все чаще понимается как такое состояние мира, которое существует без попечительского совета, без директорского кабинета, как «новый мировой беспорядок» [5, с. 132].

Уже упоминавшийся Гжегож Колодко определяет глобализацию как исторический и спонтанный процесс либерализации и идущей вслед за ней интеграции существовавших прежде порознь и в слабой связи друг с другом рынков товаров, капитала и — несколько позже и в меньших масштабах — рабочей силы, технологии и информации в один взаимозависимый всемирный рынок. Здесь есть три ключевых слова: либерализация, интеграция и взаимозависимость [1, с. 132].

Можно и далее множить число подобных дефиниций глобализации без всякой надежды исчерпать их практически необозримое многообразие. Однако, несмотря на то что процесс глобального мирового развития чрезвычайно сложен и многомерен, а также весьма далек от своего завершения, уже сегодня можно зафиксировать несколько принципиально важных тенденций в его развитии. Одной из таких тенденций является имманентно противоречивая природа глобализации, объединяющая в себе радикально противоположные процессы и их социокультурные импликации. У глобализации явно не одно лицо. Многим из нас хотелось бы, чтобы оно выглядело как можно бо-

лее симпатичным. Кое-кто даже верит, что оно (лицо) должно походить на человеческое. Но может ли у тигра быть человеческое лицо?! [Там же, с. 125]

Действительно, палитра взглядов и оценок, когда речь заходит о глобализации, весьма разнообразна и противоречива. С одной стороны, глобализация как никакой другой процесс социальных изменений удостоилась позитивных оценок и неумных похвал. Идея глобального мира не без основания претендует сегодня на статус одной из самых конструктивных и реальных программ современной социодинамики. Ее адепты не устают повторять, что глобализация беспрецедентно ускоряет экономическое развитие, способствует упрочению мира и развитию демократии, инициирует становление идеологии солидарности.

С другой стороны, немало и таких оценок, в которых глобализация рассматривается в негативных контекстах. Ей вменяют в вину рост безработицы, инфляцию, разрушение механизмов этнической и культурной идентичности, ведущие к конфликтам и нарастанию хаоса в мировом обществе.

Как правило, когда говорят о глобализации, подчеркивая ее социально позитивный эффект, имеют в виду, прежде всего, изменения в области производственных и экономических отношений (торговля, финансы, рост новых технологий, транспорт, коммуникации и др.). Даже И. Валлерстайн, один из самых авторитетных исследователей феномена глобализации, утверждает, что именно разделение труда и накопление капитала являются основной движущей силой мир-экономики в направлении к глобальному обществу. «Мы берем в качестве определяющей характеристики социальной системы существование внутри нее разделения труда, так что различные секторы либо географические зоны внутри нее зависимы от экономического обмена с другими для беспрепятственного и непрерывного обеспечения потребностей зоны» [6, с. 23].

Более взвешенный и объективный анализ феномена глобализации, предполагающий фиксацию ее проблемных и негативных моментов, требует системного и комплексного взгляда на ее природу и особенности проявления в развитии различных подсистем современных обществ.

Для того чтобы обосновать именно такое понимание глобализации и осуществить ее комплексный, системный анализ в традиции категориально-методологической реконструкции сущности и функциональных характеристик данного явления, необходимо, хотя бы на уровне первичной аппроксимации, зафиксировать наиболее значи-

мые его параметры. Речь идет о вычленении основных измерений или граней глобализации, в совокупности которых проявляется ее сложная и диалектически противоречивая природа.

Прежде всего, необходимо различать глобализацию как объективное явление, обусловленное реальной трансформацией информационно-технологических и производственных процессов в современном обществе, и политику неолиберального глобализма, которая базируется на принципах «Вашингтонского консенсуса» и ориентирована на универсализацию практики рыночной экспансии поверх национальных границ и государственных интересов.

Объективное измерение глобализации наиболее рельефно и убедительно проявляется в развитии мировой экономики. Не менее очевидным и впечатляющим выступает и феномен политической глобализации, обнаруживающий себя в совокупности кардинальных изменений институциональной сферы современных обществ.

Специфическим измерением глобализации является ее социально-антропологический контекст. Активизация этого контекста задается все более очевидным доминированием связей глобального масштаба, которые приходят на смену традиционным и, как правило, локальным связям и взаимодействиям между членами конкретных обществ (community). Поскольку связи глобального масштаба являются жестко предметными, функциональными и безличными, постольку они инициируют отказ от системы традиционных ценностей, цементирующих лично значимые символы веры и социокультурные идентичности в локальных обществах. На смену высшим моральным ценностям приходят инструментально эффективные программы деятельности и общения, схемы и ориентации поведенческой активности личности, гарантирующие ей успех и эффективное разрешение возникающих проблемных ситуаций. Наступает эпоха постмодерна с органично присущей ей интенцией на распад ценностей и отказ от классических трансцендентальных иллюзий.

Можно зафиксировать и другие не менее важные измерения феномена глобализации, позволяющие представить его как сложный, многофакторный процесс реальной трансформации мирового сообщества в эпоху постсовременности. Однако при всем многообразии зафиксированных измерений или граней глобализации необходимо констатировать, что идея глобального мира наиболее очевидно обнаруживает себя в сфере экономики, где налицо признание ценностей рынка и потребительской идеологии. Это, конечно, не означает, что глобалистика игнорирует социо-

культурный и политический контексты современного мирового развития. Более того, многие глобальные проекты все более акцентированно подчеркивают роль ценностей и культурных стереотипов в общемировой интеграции. К ним можно отнести: концепцию Э. Ласло, предполагающую установление «общности мировой солидарности»; идеи О. Джиарини о достижении нового состояния «богатства и процветания» на основе общих «эколого-экономических ценностей»; теорию нового информационного общества С. Лэша и др. И все же наиболее референтными признаками становления новой глобальной цивилизации по-прежнему являются процессы социально-экономического и политического порядка. Это сокращение доли промышленного труда и рост сферы услуг, распространение автоматизированного производства и современных информационных технологий, децентрализация административно-управленческой инфраструктуры, кризис национальных государственных образований и др. Что же касается ценностной и социокультурной сферы, то в них заметно преобладают процессы негативной направленности, порождающие феномены пассивности, растерянности, утраты оптимистических перспектив. Это явления гипертрофированного индивидуализма, угасания надличностных смыслов и ценностей развития, ощущения отчужденности человека от общества и его бессилия перед лицом репрессивной информационной мегасистемы. В целом, общемировая ситуация развивается во многом по иному сценарию, обнаруживая явные несоответствия той футурологической модели, которую обосновывали и продолжают обосновывать многочисленные адепты глобалистики. Западный вектор идеи глобального мира оказывается имманентно сопряженным с феноменами кризиса человеческой духовности. Во многом это объясняется специфической для глобалистики установкой на дискредитацию традиций и апологию инновационных стилей жизни.

Нередко в исследованиях глобализации экономика, политика, культура рассматриваются как органично сопряженные сущности, что представляется весьма сильной идеализацией. Очевидно, что социокультурный аспект взаимодействия и динамики современных обществ обладает рядом специфических особенностей, которые весьма затруднительно описать исходя из политэкономических моделей, аналогий и интерпретаций. Акцент на культурном аспекте глобализации позволяет зафиксировать ряд весьма важных и нетривиальных утверждений, а также наиболее убедительно и рельефно проиллюстрировать ее имманентно противоречивую природу. Прежде все-

го, едва ли возможно сегодня трактовать процессы глобализации социокультурного пространства как закономерное следствие модернизации традиционных обществ и архаических социальных структур за пределами западной цивилизации. Чаще всего в рамках модернизационных сценариев воздействие Запада на различные сферы культурной жизни иных цивилизационных образований воспроизводилось в терминах «культурной экспансии», «декультурации», «культурного империализма» и т. д. Причем важно отметить, что этот терминологический набор был характерен не только для леворадикальной социологии, но и для многих официальных документов международных организаций и межправительственных соглашений.

Обычно этот тип культурной коммуникации рассматривался как включающий в себя следующие характеристики:

- перенос образа жизни и потребительских ориентаций, имманентно присущих западному обществу, в социокультурное пространство иных обществ;
- односторонний поток информации от «центра» к «периферии» и «полупериферии»;
- оценка западной культуры как универсальной, соответствующей принципам рациональной организации экономической деятельности и социальных отношений;
- формирование культурной элиты, которая призвана способствовать утверждению в обществе прозападных ценностей и ориентаций.

Начиная с 70-х годов XX столетия идеология модернизации в различных ее версиях становится объектом критики и конструктивной трансформации. К концу XX в. представляется все более очевидным, что отношения между центром и множеством периферийных и полупериферийных социальных систем в области культуры носят гораздо более сложный и диалектический характер, нежели линейная зависимость традиционных культур от техногенной западной цивилизации. По меньшей мере можно выделить три основные конструкции или конфигурации, определяющие эти отношения: 1) симбиоз; 2) конфликт; 3) синтез [7].

Симбиоз — минимальное взаимодействие, при котором поддерживается относительно независимое и автономное сосуществование культурно-национальных традиций и современной западной культуры. Примерами такого симбиоза могут быть модели соединения «западной техники и восточной морали»; «науки и человеческих ценностей»; «рационализма и гуманизма».

Конфликтное взаимодействие — модернизация против традиционализма и этнокультурной авто-

номизации. Наверное, это один из самых популярных и широко известных вариантов объяснения их сосуществования в последние десятилетия.

Синтез — может быть определен как взаимное опосредование и сочленение идущей с Запада волны модернизации и импульсов к сохранению культурной и социальной самобытности развивающихся стран. В этом процессе конституируется новое состояние культуры как общемировой целостности, характерное для постсовременности. Именно такой тип взаимодействия культур декларируется ныне как атрибутивный для эпохи глобализации. Ярким его проявлением выступает сфера туризма, которая кардинально интернационализировалась, но в то же время сохранила национальный колорит и верность аутентичным традициям.

Исходя из такого системного видения, взаимодействия различных культур и цивилизационных образований в современном мире можно более адекватно интерпретировать сам феномен глобализации в его социокультурном измерении.

Конечно, говоря об этом феномене, трудно удержаться от соблазна воспроизвести уже ставшие стереотипными оценки глобализации в сфере культуры как процесса распада и деструкции традиционных моральных ценностей, возникновения пугающих диспропорций между так называемой «высокой» культурой и «популярной, или массовой» культурой, карнавализации культуры, которая благодаря техническим возможностям глобальной коммуникации утрачивает индивидуальное содержание и смысл и превращается в перманентную мозаику визуальных образов и символов клипового сознания.

Однако такая картина культурной глобализации едва ли будет адекватной и системно обоснованной. В работах М. Элброу, Э. Гидденса, И. Тирикьяна, Р. Робертсона и многих других современных исследователей данного феномена подчеркивается, что сущностными характеристиками процесса глобализации в сфере культуры являются следующие ее особенности [8].

1. Пространственно-географическая акцентация социокультурных изменений, раскрытие механизмов взаимопроникновения и диалога различных культурных традиций.

2. Взаимосвязь макро- и микроуровней в происходящих культурных изменениях. Здесь речь идет о том, что глобализация проникает в самые глубины социальных структур и кардинально трансформирует их сущностные основания на уровне семьи, обычаев, стереотипов поведения, эстетических предпочтений и т. д.

3. Активное продуцирование «социокультурных гибридов», в которых ситуативно и механически сочленяются различные традиции, жанры, стили и т. д.

4. Подчеркнутый интерес к проблемам пола, телесности, гендерных отношений, т. е. тем феноменам, которые получили название «примордиальных» и, как правило, вытеснялись обществом на периферию культурного пространства, находились под моральным контролем и цензурой.

5. Формирование новой концепции рациональности, в которой в качестве доминирующих утверждаются принципы социокультурного плюрализма, релятивизма и комплиментарности.

Возникает вопрос: насколько же перечисленные особенности феномена глобализации способствуют утверждению принципов равноправного и демократического участия различных национальных культур и цивилизационных стратегий развития в формировании единого социокультурного пространства. Одно из важнейших положений «Всеобщей декларации ЮНЕСКО о культурном разнообразии» утверждает, что процесс глобализации, стимулируемый быстрым развитием новых информационных и коммуникационных технологий, хотя и представляет вызов для культурного разнообразия, вместе с тем создает условия для нового диалога между культурами и цивилизациями.

Две проблемы смыслоопределяют содержание данного положения «Всеобщей декларации...». Это вопрос о роли и статусе процесса глобализации в конституировании реальностей современного мира, о подлинных ценностях глобализма и проблема нового типа межкультурной коммуникации, нового диалога между нациями и народами в сфере культурного взаимодействия.

Несмотря на то, что глобальная цивилизация, на первый взгляд, интенсивно вытесняет ценности локальных культур на периферию современного социокультурного пространства, в последние годы очевидно заявляет о себе и альтернативная тенденция этнокультурной автономизации и акцентированного стремления народов любой ценой сохранить свою национально-культурную идентичность. В этих условиях весьма актуальной становится проблема поиска и обоснования адекватных форм межнациональных и даже междоцивилизационных отношений в современном мире.

Нередко эти отношения характеризуются весьма высоким уровнем противостояния и напряженности, что дало возможность С. Хантингтону в своей книге «Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка» провозгласить те-

зис о неизбежном конфликте между различными культурно-цивилизационными системами.

Еще в 1993 г. С. Хантингтон в широко известной статье «Столкновение цивилизаций?», опубликованной в журнале «Foreign Affairs», высказал идею о том, что в современных условиях определяющим вектором глобальной социодинамики является кристаллизация конфликтных взаимодействий по «демаркационным линиям», разделяющим различные цивилизационные типы. В книге этот основной тезис получает системное обоснование и интерпретируется как результат не только экономической эволюции рассматриваемых цивилизационных образований, но и форм их социокультурной динамики. «В новом мире основные различия между людьми и между народами носят не идеологический, не политический, не экономический, а культурный характер» [9, с. 532].

Идее столкновения цивилизаций противостоит концепция диалога между различными социокультурными системами. Диалог культурных традиций Запада и Востока стал в этом смысле классическим примером и убедительной иллюстрацией возможностей конструктивного взаимодействия различных культур и систем ценностей. Однако опыт и уроки глобализации требуют сегодня поиска более адекватных реальности образов межкультурного взаимодействия. В последнее время все чаще в качестве такого образа репрезентируется полилог или полифония культурных традиций. Полилог обычно трактуется как ценностно-информационное и экзистенциальное взаимодействие трех и более агентов социокультурных отношений, в процессе которых достигается адекватное понимание другого и сохраняется собственная национальная идентичность.

Сегодня уже не два голоса — Востока и Запада, но множество голосов различных культурных традиций претендуют на то, чтобы быть услышанными и понятыми. И эта полифония культуры — не только одно из определяющих проявлений «плюралистичности» и мозаичности современного мира, но и, что не менее важно, продуктивное условие для создания своеобразного эффекта культурного резонанса, в пространстве которого будут вызревать и формироваться принципиально новые системы ценностей и мировоззренческих ориентаций.

На первый взгляд, идея полилога культурных традиций осязаемо коррелирует с аксиологическими интенциями глобализма, в котором синтез, интеграция и опосредование цивилизационных систем являются смыслообразующими конструктами. Однако при более тщательном анализе выявляется условность и очевидная ангажи-

рованность подобных ассоциаций и аналогий. Скорее необходимо констатировать факт сложной, но принципиально важной суперпозиции этой идеи и базовых ценностей культуры постмодерна.

Дело в том, что сам феномен глобализма едва ли возможно оценить и идентифицировать в качестве однозначной политической или социокультурной доктрины. Скорее он органично амбивалентен и каждая из его возможных семантических и социальных проекций артикулировалась и воспринималась в зависимости от складывающейся экономической конъюнктуры. Глобализм 1960—80-х гг. был отмечен эсхатологическим восприятием «конца времен», необходимостью радикального пересмотра технократической системы ценностей и соответствующей этой системе конфигурации расточительных социальных практик. Но к концу XX столетия происходит принципиальная коррекция базовых утверждений глобализма, и он переживает удивительную метаморфозу, превращаясь в некий «новый глобализм», заявляющий о релятивизме и условности устаревших гуманистических идеалов и требующий в соответствии с принципами плюрализации современных социальных практик свободного доступа представителям привилегированного меньшинства («золотого миллиарда») к глобальным ресурсам планеты в соответствии с идеологией «открытого общества». Именно этот «новый глобализм» А. С. Панарин вполне оправданно считает возможным рассматривать в контексте постмодернистской революции сознания, в результате которой оказываются дезавуированными высшие моральные ценности, любое должностное и нравственное воодушевление объявляются необоснованной претензией культуры модерна. «Если выбирать между нигилизмом и восторженностью, плутоватой изворотливостью и прямолинейной честностью, беспринципностью и принципиальностью, циничной всеядностью безверия и чистой пламенной верой, то нет никакого сомнения в том, что постмодернисты отдадут предпочтение первому перед вторым» [10, с. 199].

Фантомы Великих идей и Ценностей как проявление логики конституирования «метанарративов» должны быть навсегда развенчаны, и современная культура под воздействием информационных и коммуникационных технологий призвана ориентировать индивида на полицентризм и абстрактно понятую эффективность в любой форме деятельности.

«...Единственная позитивность, — пишет Ю. Кристева, — приемлемая в современную эпоху, — увеличение количества языков, логик, раз-

личных сил воздействия. Полилог: плюрализация рациональности как ответ на кризис западного разума» [цит. по 10, с. 201].

Постмодернистский дискурс намеренно акцентирует тематические приоритеты в терминах децентрализации, дезорганизации, деконструкции. Именно эти познавательные и социально-практические процедуры призваны подготовить реальное пространство полилога технологий, языков и культурных традиций.

Постмодернистскую культуру нередко сравнивают с культурой поздней античности, которая в режиме эклектизма сочленяла идеи и принципы, обладавшие статусом культурных инноваций в предшествующие века. Выходящая за рамки классического логоса, она принципиально адогматична и чужда всякой замкнутости и концептуального тоталитаризма. Ее символы — лабиринт, ризома, она отрицает наличие какого бы то ни было первосмысла или трансцендентального означаемого [11, с. 328—329].

Полилог, полифония — эти термины, якобы аутентично фиксирующие ценностные установки на антифундаментализм и переход к новой многомерной парадигме мышления на основе принципов дополнительности и аксиологического плюрализма, оказываются, тем не менее, достаточно неоднозначными по своим смысловым акцентам и социокультурным импликациям. С одной стороны, акцентированная в них идеология децентрации и стимулирования интенсивных обменов («меновых практик») как атрибутивных характеристик современного глобального рынка товаров, идей, информации признается в качестве универсальной программы социодинамики современного мира. С другой, последовательная реализация этой программы все ощутимее демонстрирует нежелательные для адептов глобализма последствия и парадоксы, которые нередко выступают в функции бумеранга, способного существенно поколебать сложившиеся в мировом сообществе механизмы поддержания status quo.

Базовые ценности глобализма уже в первые десятилетия нынешнего века позволят моделировать такую конфигурацию межцивилизационных взаимодействий, которая чревата не только интенсивным распространением западных технологий, знаний и демократических институтов, но и резкой дестабилизацией сложившегося мирового порядка. Еще Арнольд Тойнби отмечал, что «В ходе своей экспансии современная западная секулярная цивилизация превратилась в буквальном смысле слова во всемирную, охватив своей сетью все остальные живущие цивилизации и все примитивные общества» [12, с. 142]. И сегодня

она продолжает доминировать в мире, осуществляя с помощью ТНК и механизмов глобальной экономики присвоение значительной доли национального богатства менее развитых стран. И тем не менее тенденции развития межкультурных отношений таковы, что по пяти основополагающим параметрам (демографо-экологический; технологический; экономический; геополитический; социокультурный) происходят интенсивные изменения, свидетельствующие о том, что процессы глобализации все более осязаемо выводят на авансцену мирового развития незападные цивилизации четвертого поколения [13, с. 24—38].

Уже после второй мировой войны произошел радикальный сдвиг в сфере политических отношений и политического влияния западной цивилизации. Ее роль в этой сфере снизилась в 3,3 раза, в то время как доля исламской цивилизации выросла в 5,4 раза, африканской — в 8 раз, латиноамериканской — в 1,8 раза. Еще более впечатляющими выглядят темпы роста численности локальных цивилизаций и характерные для них демографические процессы. Согласно прогнозу ООН к 2050 г. православная (евразийская) цивилизация, возглавляемая Россией, сократит свою численность с 4,5 % до 2,4 % мирового народонаселения. Доля западнохристианской цивилизации также снизится с 13,2 % до 8,9 %. Конфуцианско-буддийская цивилизация, возглавляемая Китаем, сократится с 28,2 % до 22,2 %. В это же время африканская цивилизация возрастет на 940 млн человек — с 9,2 % до 16,6 %, а мусульманская — на 720 млн человек с 17,5 % до 19,6 % [13, с. 24].

Естественно, такие диспропорции в политической и демографической динамике современного мирового сообщества не могут не порождать новых тенденций в экономическом и социокультурном развитии, которые призваны компенсировать влияние этих диспропорций на глобальную социодинамику и обеспечить доминирование западных постиндустриальных обществ в ближайшей и стратегической перспективе.

Одной из таких новых тенденций является нарастание процессов, способствующих замкнутости и самодостаточности постиндустриального мира на фоне резкого снижения его зависимости от сырьевых и энергетических ресурсов развивающихся стран. Ожидается, что в ближайшие тридцать лет потребности стран — участниц ОЭСР в природных ресурсах из расчета на 100 долл. произведенного национального дохода должны снизиться в 10 раз — до 31 кг по сравнению с 300 кг в 1996 г. Как следствие такой экономической и социально-экологической политики, растущие объемы товарных потоков концентрируются в грани-

цах постиндустриального мира. Уже в 1997 г. только 5 % торговых потоков, начинающихся или заканчивающихся на территории одного из государств ОЭСР, выходили вовне этой совокупности развитых стран, представляющих западную цивилизацию. Из развивающихся стран их совокупный импорт составляет сегодня не более 1,2 % суммарного ВВП.

Еще более впечатляющая картина интеграции постиндустриального мира в рамках условного «золотого миллиарда» возникает в результате анализа современной инвестиционной политики. В 1990 г. всего пять стран — США, Великобритания, Япония, Франция и Германия обеспечивали 75,3 % мирового экспорта прямых иностранных инвестиций и 76 % их импорта. К середине 2000 г. из десяти крупнейших фондовых площадок мира шесть находилось в США, три — в Западной Европе и одна — в Японии [14, с. 76, 79, 84, 83].

Эти и многие другие факты и данные о реальном процессе экономической глобализации и его социокультурных последствиях заставляют усомниться в широко декларируемых оценках и прогнозах относительного будущего глобального сообщества, в котором равенство социальных возможностей и полилог культурных традиций станут неперенным условием совместного и гармоничного развития различных цивилизаций в направлении к постиндустриальным стандартам жизни.

Указанная программная идеализация в доктрине глобализма все более осязаемо обнаруживает свою утопичность и неадекватность реальным процессам мировой социодинамики. Данное обстоятельство убедительно подтверждает такой авторитет в области геополитики, как Збигнев Бжезинский.

Повторяя известное клише о цивилизационной миссии Америки, он вместе с тем достаточно откровенно и реалистично признает традиционно прагматическую направленность ее национальных интересов и геополитических ориентаций как лидера постиндустриального мира. «Окончательная цель американской политики должна быть доброй и высокой: создать действительно готовое к сотрудничеству мировое сообщество в соответствии с долговременными тенденциями и фундаментальными интересами человечества. Однако в то же время жизненно важно, чтобы на политической арене не возник соперник, способный господствовать в Евразии и, следовательно, бросающий вызов Америке» [15, с. 12]. Характерно, что подобные прогнозы все более часто звучат из уст не только представителей западной интеллектуальной элиты, но и отечественных исследователей феномена глобализма. Так, М. М. Голанский ут-

верждает, что «вместо ныне существующего хаотического и беспорядочного множества практически мало связанных и независимых стран в мире возникает жестко структурированное сообщество народов, тесно связанных экономическими и политическими узами <...> В ходе поступательного движения человечество неизбежно придет к глобальному тоталитаризму» [16, с. 63—54].

Конечно, существуют и другие мнения по данному вопросу. В частности, в работах Э. Г. Кочетова, Ю. М. Осипова, Ю. В. Яковца и др. подвергается сомнению тезис о растущей самодостаточности развитых постиндустриальных стран и перспективности такой модели будущего, в которой функции безусловного и монопольного лидера останутся за западной цивилизацией.

Как бы ни акцентировались дискуссионные аспекты в проблеме ценностей и приоритетов доктрины глобализма, необходимо четко уяснить, что магистральный вектор мировой социодинамики должен быть органично увязан с принципом полифоничности социокультурного пространства будущего мирового сообщества. Только в этом случае кардинальные противоречия в структуре современных межцивилизационных отношений могут быть конструктивно преодолены в процессе перманентного обмена людьми, идеями, знаниями и культурными ценностями. Вместе с тем было бы наивно и нереалистично полагать, что постмодернистские ассоциации и аналогии позволяют сконструировать теоретические модели и концепции, рационально объясняющие взаимосвязь социокультурного полицентризма и экономической эффективности в модернизирующихся обществах. Очевидно, что эта концептуальная и практическая задача должна решаться на иных философско-методологических основаниях, среди которых принципы порядка, технологической рациональности и диалектического синкретизма будут использоваться как фундаментальные регулятивы мышления и действия.

Метаморфозы глобализации убедительно демонстрируют амбивалентную природу происходящих трансформаций мирового сообщества, создавая поистине сюрреалистическую картину нашей эпохи. С одной стороны, глобализация экономической и социально-политической жизни значительной части стран и регионов мира обоснованно претендует сегодня на статус магистрального тренда развития современной цивилизации. И здесь впечатляющий блеск ее достижений порождает воображение, создает иллюзию безальтернативности данного сценария социодинамики. Однако, с другой стороны, трудно отрицать тот безусловный факт, что инвариантной характери-

стикой этих глобальных изменений в мировом сообществе является перманентное нарастание нестабильности современного миропорядка и эскалация кризисных ситуаций в экономике, политике, культуре многих стран и региональных объединений.

Мировой финансово-экономический кризис, экологические и климатические аномалии в глобальном масштабе, взрыв нестабильности в арабо-мусульманском мире, все более осязаемые перспективы продовольственного кризиса и дефицита основных ресурсов, наконец, угасающая пассионарность западной цивилизации и демографические диспропорции в структуре мирового народонаселения — все это неотъемлемые реальности эпохи глобализации. Реальности, которые позволяют афористически оценить ее как бедность возможностей на основе идеологии неолиберализма создать подлинно гармоничный и процветающий мир.

Продолжение глобализации в ее стихийно-рыночном варианте будет и в дальнейшем увеличивать и так уже достигшие пограничных масштабов проявления социокультурной несоизмеримости и материального расслоения между регионами, странами, профессиональными группами, индивидами. Глобализация должна становиться все менее спонтанной и хаотичной и все более скоординированной и управляемой. Образно выражаясь, спонтанность хороша на местном рынке помидоров, но не на мировом рынке всего. Отсутствие координации и регулирования под неолиберальным лозунгом «экономической свободы» — а в сущности заботы о частных интересах немногих избранных — привели к радикальным диспропорциям в структуре современной экономики и политики. А посему сегодня как никогда ранее актуален лозунг, провозглашающий институализацию глобализации на принципах полицентризма и рационального хозяйствования [1, с. 160—161].

В духовной сфере этот лозунг предполагает обоснованный скепсис и отказ от иллюзий постмодернистской революции сознания. Сколь бы ярко и эпатажно ни говорили ее адепты о наступлении принципиально новой эпохи торжества ценностей глобализма, такие нравственные принципы, как уважение к труду, уважение к знаниям и профессиональной компетенции, уважение к традициям и великим духовным ценностям — были и останутся неперенным условием любых позитивных программ реформирования общества и успешного преодоления периодов кризиса и растерянности духа.

Список цитированных источников

1. Колодко, Г. В. Мир в движении / Г. В. Колодко. — М., 2011.
2. Уткин, А. И. Глобализация: процесс и осмысление / А. И. Уткин. — М., 2001.
3. Делягин, М. Г. Мировой кризис. Общая теория глобализации / М. Г. Делягин. — М., 2003.
4. Бек, У. Что такое глобализация? / У. Бек. — М., 2001.
5. Бауман, З. Глобализация, или кому глобализация, а кому локализация / З. Бауман // Глобализация: контуры XXI века. — М., 2001.
6. Валлерстайн, И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / И. Валлерстайн. — СПб., 2001.
7. Ерасов, Б. С. Цивилизационные изменения модернизации. Концепции симбиоза, конфликта и синтеза культур Запада и Востока / Б. С. Ерасов // Сравнительное изучение цивилизаций. Хрестоматия. — М., 1998. — С. 486—492.
8. Robertson, R. Globalization: Social Theory and Global Culture. London: Sage, 1992; Albrow, M. The Global Age. Stanford, 1997; Tiryakian, E. The Wild Cards of Modernity // Daedalus, Spring, 1997.
9. Хантингтон, С. Столкновение цивилизаций и преобразование мирового порядка / С. Хантингтон // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология. — М., 1999.
10. Панарин, А. С. Искушение глобализмом / А. С. Панарин. — М., 2000.
11. Маньковская, Н. Б. Эстетика постмодернизма / Н. Б. Маньковская. — СПб, 2000.
12. Тойнби, А. Цивилизация перед судом истории / А. Тойнби. — М.; СПб., 1996.
13. См. об этом. Яковец, Ю. В. Глобализация и взаимодействие цивилизаций / Ю. В. Яковец. — М., 2001.
14. См. Иноземцев, В. Л. Пределы «догоняющего развития» / В. Л. Иноземцев. — М., 2000.
15. Бжезинский, З. Великая шахматная доска / З. Бжезинский. — М., 1999.
16. Голанский, М. М. Взлет и падение глобальной экономики / М. М. Голанский // Ученые записки Института Африки РАН. — Вып. 6. — М., 1999.

Дата поступления в редакцию: 21.09.2013 г.